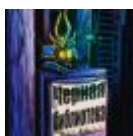

Книга перемен / The Book of Change (рассказ)

Перевод коллектива "[Warhammer: Чёрная Библиотека](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "[Warhammer: Чёрная Библиотека](#)". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Книга перемен / The Book of Change
(рассказ)**

Автор [Дени Уэйр / Danie Ware](#)

Переводчик [Ejiarch](#)

Издательство [Black Library](#)

Входит в сборник [Inferno!: Инквизиция / Inferno!: The Inquisition](#)

Год издания [2021](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Входящее сообщение было кратким.

Выброшенное через пустоту, пропитанное ужасом, обрамленное криками. Гололитические фигуры мерцали как фантомы: бойцы Астра Милитарум, чья форма и противоосколочная броня была сплошь покрыта грязью. Они были вооружены винтовками, ощерившись стволами наружу, к тому, чего Марисса не могла видеть, но отражалось в их глазах чистой паникой.

— *Они идут!* — говорилось сквозь шум статических помех с отчаянием в каждом слове. — *Они ид...*

Лай приказов, треск разбитой двери. Росчерки лазерного огня, когда противник прорывался сквозь него. Хлещущие когти и сталь; красные брызги, резко выделяющиеся в полумраке. Хриплый крик мужчины, испытывающего нестерпимую боль. Мольбы о милосердии...

Затем — ничего.

Воздух трещал пустотой там, где была проекция.

Марисса Хорвейн со скрещенными руками, закованными в броню, и обнаженной головой, освещаемой ровным светом корабельных люменов, кивнула в конце сообщения. Повернувшись к юному лейтенанту, чья форма резко контрастировала с окровавленным зеленым и коричневым цветом исчезнувшего гололита, она спросила:

— И это все?

Молодой человек моргнул, его страх был очевиден.

— Приношу свои извинения, инквизитор, — сказал он. — Мы сканировали вокс-каналы в соответствии с вашими инструкциями, но это единственные цельные данные, которые нам удалось получить. Двенадцатая рота «Чёрный сук» была размещена на Куроне VI четыре месяца назад, им было поручено исследовать руины. Контакт потерян...

— Я знаю детали задания.

Высокая и суровая, с лицом, подобной бледной, холодной маске, обрамленной каскадом густых волос, она смотрела на офицера, пока тот не вздрогнул, беспокойно потирая руки, словно желая смыть свою глупость.

Он выдохнул, попытавшись собраться.

— Я могу проиграть сообщение снова, если вам...

— В этом нет необходимости, — сказала она ледяным тоном. — Его содержание ясно, мои подозрения подтвердились. Нам нужно увеличить скорость.

Эти слова не были просьбой.

— Я сообщу капитану, мэ. «Мужество Стадиуса» в вашем распоряжении...

— Конечно. — Как инквизитор Ордо Маллеус, Марисса имела право требовать от Его имени любых действий — командовать солдатами, флотскими или любыми другими; взять под контроль планетарную власть, вплоть до губернатора. Она обошла все еще потрескивающую пустоту, изучая ее, как будто заглядывала в ее сердце, мечты, страхи.

Ужасы, которые та не раскрыла.

«Ах, — мягко произнес голос в ее голове, отвечая на невысказанные ею вопросы. Он был глубоким и насыщенным, натянутым как струна, не столько утешением, сколько лаской самой тьмы. — Как ты догадалась, это рука Древнего Врага — все заражено ее прикосновением, пропитано порчей. Я знаю, насколько остро ты это чувствуешь. Ты должна нести свой свет. Его свет. Мой свет. Опали их глаза, дитя, и изгони их с мира, который они оскверняют. Тогда твоя цель будет беззащитна».

Низкий звук голоса наполнял ее разум, ее душу; она приветствовала и принимала его.

«О да, — сказала она в ответ. — Я бесстрашно столкнусь с ними. Я отправлю их с воплями обратно в тот самый ад, из которого они пришли. И я буду смеяться».

Внутренний голос, принадлежавший ей самой, являлся Его благословением. Это был проводник, наставник, воплощение ее стремлений. Он был с ней столько, сколько она себя помнила, с самых первых дней ее пребывания на Горлосе, проведя ее через ужасы резни Седьмой стражи под опеку ее наставника, инквизитора Хрейка. Он поддерживал ее на протяжении всего её обучения и его смерти, позволил ей надеть его мантию и нести светоч Самого Императора.

Он также сделал ее чистой, сильной, неприкосновенной для Врага. И это — это! — была именно та задача, для которой она была рождена, выкована, закалена. Она была Его словом, Его мезтью. И она выжжет любой след Хаоса прямо на самой поверхности планеты.

И глубже, если Он повелит.

«Я чувствую твою ярость, дитя, — сказал голос. — Моя верная, моя дочь, моя кровь, мой клинок...»

Она сомкнула руку вокруг своей розетты, висящей на цепочке, сдавливая ее, пока твердые края не зацарапали керамит ее перчаток.

Офицер все еще наблюдал за ней, замерев, как добыча, будто не зная, бежать ему или ожидать новых приказов.

— Капитан Курция понимает, что вам важна скорость, — сказал он. — Она говорит, что путь займет меньше двух терранских дней.

Марисса чувствовала огромный корабль вокруг нее, его металл и дух стонали, как у какого-то огромного и полудремлиющего существа, теперь шевелящегося в скрипучем бодрствовании. Его далекие двигатели грохотали и гремели, сотрясая сталь костей.

— Хорошо, — сказала она офицеру. — Я уйду в свою каюту и проинструктирую мой персонал. — Она взглянула прямо ему в глаза. — Запрещается меня беспокоить, лейтенант.

Офицер побледнел, сказав только:

— Мэм.

«Руины и пепел, укрытие Врага... и то, в поисках чего я прошла долгий путь...»

Марисса наклонилась вперед и щелкнула гололитом, позволив облаку статического электричества исчезнуть.

Вскоре они встретятся с настоящим ужасом.

Планета Курон VI.

Разрушенный мир-улей, вращающийся вдали от крошечной бело-голубой звезды. Основанное, а затем брошенное во времена Объединения, его главное поселение было обширно и похоже на лабиринт, разрушенный на поверхности и спускавшийся далеко вниз в забытые гранитные глубины планеты. Когда-то здесь были миллиарды людей — служащих, администраторов, рабочих. Ничего серьезного, простые маленькие винтики, вращающие бóльшие колеса, двигающие, в свою очередь, бюрократическую машину Империи. Четыре солярных месяца назад 12-я рота «Чёрный сук» была отправлена из Галереи с приказом на разведку, изучение и оценку обстановки.

Не было необходимости тратить более серьезные силы на мир, который так мало из себя представлял. В конце концов, винтиков всегда много.

Однако у Мариссы была более серьезная цель.

В своей каюте она стояла у второго гололита, на этот раз самой планеты, безмолвно и безмятежно висевшей в центре комнаты. В ландшафте плавно вращающейся сферы вспыхивали редкие достопримечательности — дворец губернатора, космические порты, огромные кабинки и общежития, бывшие центром комплекса Администратума.

Она внимательно отметила цели для каждого из членов своей свиты.

Обсуждений не последовало.

За ее плечом стояла сержант Кезия Гейл. Бывшая боец Астра Милитарум, зрелая женщина, которая когда-то имела репутацию безжалостного боевого командира. Позже она была одной из немногих, кто выжил в ужасающей резне тиранидов на Телестисе; из-за чего, впоследствии, кричала во сне, преследуемая монстрами. Однако, под руководством Мариссы, она превратила свои ночные кошмары в дневную деятельность и теперь охотилась на монстров с безумным упорством.

Около пульта управления — адепт Дин-14. Он был невелик по меркам жрецов Механикус, с многочисленными ногами, согнутыми под алым плащом. Одна темнокожая рука проворно и уверенно двигалась по панели; другой же он был подключен с помощью вытянутых металлических пальцев. Его лицо, по-прежнему, состоящее из плоти и устрашающе красивое, было залито светом экрана, а губы шевелились в молитвах Омниссии.

Эти двое были проверены, испытаны. Остальные...

Привалившись спиной к дальней стене, стояла Син, убийца храма Каллидус. Женщина выглядела типичным ассасином, даже без элитного снаряжения ее храма. Она была изящной, жилистой, настороженный взгляд ее глаз был твердым, как лезвия, которые та носила. Ассасин провалила свое задание и была отправлена на службу к Мариссе.

И, наконец, стоял, хмуро глядя на сведения о планете, другой новичок — Арис Манисталлис Мундас, который когда-то сам являлся чиновником Администратума. Это был бледный мужчина с круглым животом, лысой макушкой и уже вспотевший, хотя микроклимат помещения был настроен на температуру присутствующих. Однако, несмотря на его внешность, эта миссия была в его компетенции больше, чем в чьей-либо еще.

Ходили слухи, что он когда-то читал литанию Поглощающей Пустоты — текст Хаоса из дней Ереси Гора — труд душераздирающе кошунственный, настолько, что мог ранить мысли, оставляя их

поврежденными и кровоточащими. Как такая вещь попала к нему, Марисса не знала и не спрашивала.

Все что от него требовалось — его проникаемость. И, как и убийца, он был расходным материалом.

Взглянув на нее, Мундас вытер лоб уже грязным платком.

— Я бы посоветовал, мэм, — сказал он своим привычным извиняющимся тоном, — чтобы мы начали наши поиски с самого комплекса Администратума. Фон сообщения предполагает кабину стиля три-ноль-семь-шесть, используемую клерками с седьмого по пятнадцатый уровни...

— Согласен. — Тон адепта был ровным, его карие глаза закрыты. — Посадочная площадка четыре-один-восемьдесят, обозначение района девять-точка-пять. Шансы на успех: девяносто три процента. Этого вполне достаточно.

Его совершенные губы точно завершали каждое слово, он продолжал молиться, читая свои литании экрану и духу корабля.

Мундас кивнул, убирая платок в карман. Он все еще был в поту.

По жесту Мариссы сержант передала по воксу приказы — временные рамки, запросы амуниции, логистические нюансы. Мариссе не нужно было описывать детали: Гейл знала рабочие параметры инквизитора, как тыльную сторону своей лазерной винтовки.

Убийца по-прежнему не двигалась, молча переводя ледяные глаза с одного лица на другое.

Марисса мельком взглянула на нее, но Син все понимала.

«Она понимает всё слишком хорошо, — весело сказал ей голос. — Ей ещё предстоит сыграть свою роль».

Разрушенная планета продолжала вращаться между ними, помеченные ориентиры выделялись на ее поверхности один за другим, как будто желая схватить души членов группы.

Каменная пыль, темная, холодная и мелкая.

Марисса сняла перчатку и растерла прах кончиками пальцев. Открытие дверей отсека для шаттлов разогнало его в углы вместе с кучей других обломков — ржавыми частями когитаторов, клубками проржавевших проводов, единственным забытым ботинком.

Ангар, в котором они находились, был огромным, пустым и наполненным эхом, люмены не работали. Огни шаттла высвечивали тени во время захода на посадку, теневые фантомы растягивались при снижении, затем потянулись вверх и поглотили окружающее пространство после выключения света.

Теперь пустота была крошечной тьмой, эхом вторящем их дыханию. Воздух переполняло ощущение внушенного ужаса и нарастающее чувство тревоги и страха.

Где-то здесь было *что-то*.

И оно выжидало.

Поднявшись на ноги, инквизитор решительно стряхнула пыль с рук.

«Пусть приходят». Её внутренний вызов, её решимость обернулись холодными сияющими нитями

вокруг её сердца и непоколебимой веры. Страх — для недостойных.

«Я убью их всех».

«Мы убьем их всех», — сказал ей голос, его прикосновение подобно ласке.

Нахлынуло волнение; она взяла его под контроль, снова натягивая перчатки. Затем воксировала Гейл:

— Выдвигаемся.

— Мэм.

Они построились плотной группой, сержант во главе, убийца в тылу. «Арвус» был заперт, его система безопасности активна, но Марисса не боялась, что к нему прикоснутся или что он станет жертвой саботажа.

Нет, то, что таилось здесь, пряталось глубже, подальше от ярких солнечных лучей.

Предвкушение полыхнуло в ней; ее рука сжалась на рукояти выжигателя.

Они двинулись.

Вскоре шаттл остался позади. Туннели и коридоры перемешивались, создавая сложный клубок из имперской нумерации, продиктованной бюрократическими мелочами. Однако Марисса знала закономерность, и ей не требовались ни точный цифровой ум адепта, ни опыт Гейл, чтобы понять последовательность. На верхних этажах будут большие офисы и отдельные спальные помещения, для важных фигур, принимающих решения и выносящих вердикты. Чем ниже вы спускаетесь, тем незначительнее становится окружение.

Это был не тот уровень, который им нужен. Следуя сложным обозначениям, она обнаружила гравифит и нашла шахту, уходящую вниз в небытие: зияющую квадратную пропасть, обведенную проводами, тянущимися до каменного нутра планеты.

Не было заметно следов недавнего движения лифта, как и не было признаков того, что разведчики Милитарума вообще шли этим путём. И все же, из дыры будто тянуло зловонным дыханием ада, шепотом смеха, легким бормотанием безумия.

Она обдувала холодным ветром, что свидетельствовало о лабиринте внизу.

«Вот путь», — подумала Марисса, и это знание обрушилось на нее, как снегопад.

Рядом с ней вздрогнул Мундас. Форма Милитарума выглядела странно на его пухлом теле. Он снова вытер лоб, вертя платок мясистыми руками.

Она бросила на него предупреждающий взгляд и сказала:

— Дин.

Адепт уже был у пульта управления, протягивая пальцы для общения со спящим духом.

Мгновение спустя раздался лязг и грохот поднимающегося лифта.

«Осторожно!» — сказал ей голос. Прозвучало почти радостно.

Она не нуждалась в предупреждении. Гейл махнула рукой, и группа отступила; сержант готовилась накрыть лифт лазерным огнем.

Голос в голове Мариссы рассмеялся, мягкий, как дорогая ткань. Ей было интересно, что смешного тот нашел в ситуации.

У панели вздрогнул адепт.

Она бросила на него взгляд, ее руки сжали выжигатель. Лифт с грохотом остановился под ними. Гейл наклонилась вперед, направив оружие на шахту, предупреждающе щелкнув в вокс. Но Марисса все еще смотрела на Дина, наблюдая, как его карие глаза выкатились из орбит и он начал дрожать. Его челюсть сжалась; в углу рта появился алый пузырь. Приказы сержанта перебил резкий взрыв двоичных сигналов — быстрых, жестких, непонятных.

Дин дергался, но его рука оказалась зажата в панели.

Секунду спустя гроксовые, с мягкой подошвой, сапоги убийцы ударились о запястье адепта, дернув его вбок. Все еще зажатые пальцы искрились. Син била снова и снова, в попытке оттолкнуть его, что вызывало новые всплески электрических импульсов.

Дин опрокинулся, его паучьи лапы сложились, а красный плащ разметался, обнажая кончики когтей, сгибающиеся и щелкающие, как будто его преследовал какой-то невидимый кошмар. Но его рука была свободна, а пальцы, все еще вытянутые из аугментического запястья, напоминали огромную паутину.

Внутренний голос Мариссы все еще иронично хихикал, мрачно забавляясь.

«Не прикасайся к врагу напрямую, моя воительница, — сказал он. — Он пытается заманить вас в ловушку и обмануть, но вы не должны становиться жертвой таких простых игр. Нужно быть предусмотрительнее».

— Мне не помешают! — Слова были произнесены как вслух, так и в уме. Она встала на колени рядом с упавшим адептом и положила руку в перчатке на его нагрудник из гибкой стали. В этом жесте не было сострадания; это было одновременно и обращением, и вызовом кошмару, требованием выйти и встретиться с ней лицом к лицу.

«Я тебя вижу! — думала она. — Я вижу твоё проклятое прикосновение! Осмелишься ли ты столкнуться в открытую с такой благословенной, как я?»

Глаза адепта резко открылись. Его рот растянулся в белозубой ухмылке во всю ширину челюсти. Его зубы были залиты его собственной кровью, а лицо было сумасшедшим, наполненным безумным восторгом. Он сказал шипящим голосом:

— Мы видим тебя, инквизитор. Ты еще ничего не понимаешь. Приходи к нам, познай глубинную истину!

Син стояла рядом с ней с холодным вопросительным выражением на лице. Марисса подняла руку, сигналив отбой.

— Нет, — сказала она по их личному каналу. — Он нам нужен. Если он все еще будет недееспособен, когда мы будем уходить, я предоставлю его тебе.

Молча Син пожала плечом и отступила. Краем глаза Гейл бросила на нее взгляд, продолжая держать под прицелом лифт.

Секунду спустя, по собственной воле, тот снова начал двигаться. Гейл отступила с винтовкой наготове.

Рядом с Мариссой зашевелился Дин, убирая руку. Облизнув губы окровавленным языком, он сказал внезапно очень человечно:

— Там внизу что-то есть, инквизитор, что-то очень старое. Этот объект... — Он остановился, сглотнув. Волна двоичного сигнала прошла по воксу. — Он был построен на чем-то более древнем. Чем-то, до Великого крестового похода.

Марисса с осторожно усвоила этот фрагмент нового знания, рассматривая его со всех сторон. Такое не было редкостью — Великий крестовый поход основал множество имперских миров и догматов на останках более старых цивилизаций.

Позволив адепту подняться на свои многочисленные ноги, она улыбнулась. — Не бойся, дитя, такие вещи не могут коснуться тебя, пока я здесь.

И снова убийца задала немой вопрос; и снова Марисса махнула ей в ответ.

Она не боялась овладевшего Дином, а любая информация, которую она узнавала, могла оказаться полезной.

Несмотря на конвульсии Дина и опасения сержанта, лифт был пуст.

Настороженно, отряд втиснулся в кабину, и та начала спуск вниз с сюрреалистической плавностью. Пахло потом и страхом, металлом и грязью. Все ноги адепта были втянуты под него; его человеческие губы постоянно молились, хотя Марисса не знала, была ли это молитва духу лифта или за его собственную душу.

Сержант была напряжена, ей не нравился этот замкнутый ящик и его очевидная уязвимость, но инквизитора это не беспокоило. Враг слишком сильно жаждал поиграть, чтобы попытаться атаковать столь очевидно.

Уровень, другой, еще один. Не было пронумерованных огней для возможности отсчета, только фрагменты тусклого света, мелькавшие за грязными стеклянными дверями.

Древняя цивилизация или нет, но Марисса знала, что ищет, и намеревалась найти это...

Либрариум.

Еще один этаж промелькнул и исчез. Теперь и сержант вспотела; рядом с ней Мундас с закрытыми глазами молился почти так же страстно, как адепт. Резкий запах страха усилился.

Тем не менее, Марисса проигнорировала это. Ее мысли были сосредоточены на миссии, на информации, которая привела ее сюда. Контакты и подсказки, вопросы и допросы, отрывки из забытых преданий. Она преследовала эту цель в течение двух солнечных лет на расстоянии в пол галактики. Сообщение от обреченного отряда Милитарум было последней частью головоломки. Оно дошло до нее, как Его милость, как ключ в замке, который откроет последнюю дверь...

Конечно, здесь таилось что-то более старое. Это было абсолютно ясно.

«Ты близко, — сказал голос. — Так близко, дитя мое. Почти так близко, что можешь коснуться.»

Книга, которую ты ищешь, может стать твоей; она может дать тебе силу и знания, чтобы поднять твою веру и признание к новым высотам. Ты знаешь, что порча не может коснуться тебя, пока я с тобой...»

Рывком лифт остановился, заставив группу дернуться. На секунду они остановились, выжидая, задержав дыхание, с оружием наготове, глядя сквозь стекло, теперь затуманенное конденсатом их дыхания. Сержант отдала приказы резким и мягким тоном, но все и так хорошо знали свою позицию при развертывании. Когда двери с шипением открылись, Гейл вышла в коридор и остановилась, свет фонарей ее винтовки и скафандра был направлен наружу, рассекая тьму, сжимающуюся тенями, извивающуюся и наполненную угрозами.

«Да, — сказал голос Мариссе. — Скоро...»

Адепт запнулся.

Паучьи когти зазвенели, он качнулся вбок, его аугметическая рука закрыла лицо. Когда Марисса повернулась, отдавая приказ остановиться, Дин уже провел паутиной своих металлических пальцев по человеческой плоти, продирая ее до длинных кровавых рубцов.

И снова убийца оказалась у плеча Мариссы, совершенно молчаливая, напряженная с любопытным и холодным выражением лица.

— Углы... — сказал Дин, его голос колебался между человеческим и металлическим. — Углы невозможны. Они ошибочны. Они все нереальны...

Он трясся, показывая пальцем.

Марисса посмотрела.

Вокруг них были бесконечные коридоры — перекрестки, углы и квадратные стальные двери, на каждой из которых было выгравировано обозначение. Они не выглядели не к месту. Обычные люмен-сферы, энергия которых почти израсходована, были соединены аккуратно проложенными мотками проводов; контрольные экраны размещались через определенные промежутки времени, ожидая прикосновений, которых никогда не будет.

Тут и там висели транспортёры для сервиторов — ржавых, но все еще находящихся на месте. Под ними пыль образовывала темные кучи, делая их похожими на оборванных упырей.

Адепт вздрогнул, оторвал руку от своей темной, залитой кровью кожи.

— Углы. — Он смотрел на люмены, слабо сиявшие, как призраки. — Они ошибочны. Вы не видите? Они искажены. — В этом слове прозвучала нотка отчаяния. — Тот. — Он указал своей человеческой рукой. — Он изгибается не в ту сторону, вне всяких возможностей. Все запутаны. И этот. И этот.

Он указывал в других направлениях:

— Таких расчетов... быть не может. Все они невозможны. Подобные углы у коридоров существовать просто не могут...

Марисса и Гейл обменялись короткими взглядами, и солдат пожала плечами. Что бы Дин ни видел, ни сержант, ни инквизитор не могли воспринять это.

Их дразнили — и это делал не адепт.

Мундас вытер лоб. Убийца все еще находилась рядом, наблюдая.

— Ты будешь контролировать себя, — сказала Марисса адепту. — Такие вещи не имеют большого значения, и мы столкнемся с более серьезными проблемами, чем это. Продолжаем.

В ее голове послышался смех:

«Ах, бедное дитя. Он настолько увлечен математическим совершенством, что с такой легкостью доводится до безумия. Боюсь, он долго не протянет».

«Он продержится столько, сколько потребуется, — спокойно ответила Марисса. — Я ожидала его неудачу и какие-либо непредвиденные трудности».

Они не прошли далеко, прежде чем снова остановились.

На этот раз Гейл смотрела на дверные проемы, на узор, которым были выложены коридоры.

— Мы идем не туда, — сказала она. Сбитая с толку, сержант посветила фонарями своего костюма на ближайшую стальную дверь, на цифры, выгравированные на ржавой поверхности. — Это подуровень девять. А это значит, мы должны приближаться к центру управления...

— Ходим по кругу, — мрачно согласился Мундас. — Мы уже проходили этим путем.

Сдерживая вспышку нетерпения, Марисса повернулась, чтобы посмотреть.

Дуновение воздуха тронуло ее ухо и затылок.

«Что?»

В полумраке что-то промелькнуло мимо нее, что-то дразнящее, насмешливое. Тихий воздух зашевелился нежным смешком; холод пробежал по спине, как ласковое прикосновение лезвия.

Где-то что-то смеялось над ними.

Инстинктивно группа сплотилась. Теперь адепт что-то бормотал вслух, заикленные всплески повторяющейся бинарной молитвы. Даже ассасин была насторожена; ее внимание было обращено вовне, лезвие блестело в руке.

Мундас дрожал, по его лысине струился пот. Он постоянно вытирал ее, крутя в руках платок, как священный талисман. Он тоже бормотал снова и снова:

— Будь со мной, мой Император. Будь со мной...

— Перестань, — почти раздраженно приказала ему Марисса. — Не нужно бояться. Это иллюзия, игра, не более того. Я несу Его свет и Его слово, и я говорю, что нас не остановят. Сержант, вы найдете нужный проход, и мы продолжим.

— Мэм.

Они двинулись за сержантом дальше, сквозь полутьму, заполненную звуками дыхания.

Вскоре они полностью потерялись.

Несмотря на твердую решимость Мариссы, они трижды пересекали одну и ту же развилку. Каждый раз Гейл указывала им верное направление, и каждый раз маршрут менялся — двери появлялись в разных местах, стены двигались, перекрестки исчезали, когда они оборачивались.

Смех был теперь повсюду; казалось, что он издевается над ними, как грабитель, ожидая, когда они начнут уставать.

Дин изламывался все сильнее и сильнее. Не в силах осознать окружающие отряд невозможные изменения, адепт становился все более и более нестабильным, искры вспыхивали на его аугментической руке и плече, отражаясь в его темных глазах, словно поток данных. Однажды он остановился у одной из диагностических панелей, ища доступ, но Марисса приказала ему уйти — если он подключится сюда, результат может быть разрушительными.

— Он без сил, — сказала инквизитор Син по закрытому каналу связи. — Будь настороже. Жди моей команды.

— Мэм.

Однако больше беспокоила мания, преследующая Мундаса. Его запретные знания — столь важные для победы Мариссы — развеивались по мере того, как его замешательство росло. Он нес только лазерный пистолет, который все еще не привел в готовность, и обхватил себя, раскачиваясь и бормоча, беспрестанно молясь.

Это было неприемлемо. Он ей нужен. Без него она не могла найти либрариум.

Резкий удар слева по его щеке оставил рубец точной формы ее перчатки. Он съежился, пробормотал свои извинения.

Они продолжали двигаться.

Вскоре, однако, даже Гейл заколебалась, монстры из кошмаров вернулись, чтобы атаковать ее. Ее прошлое проявилось в ее настоящем; она вздрагивала от теней, светила фонарями своего костюма сразу во всех направлениях, пытаясь найти и назвать свои страхи. Сержант тоже начала что-то бормотать, хотя ее тон был переполнен яростью. Она тихо отдавала приказы давно потерянному взводу.

«Я окружена дураками, — подумала Марисса. — Их веры недостаточно. Они слабые».

«*Но ты сильна, — сказал ей голос. — Сильнее такого ребячества. Ты должна продолжать. Текст будет нашим!*»

Она сделала, как велел ее голос. Она была на правильном пути и зашла слишком далеко, чтобы сейчас колебаться.

Очередной коридор, очередной угол, очередной дверной проем...

Такой же, как и предыдущие, перекресток.

На этот раз Дин рухнул, его многочисленные ноги свисали вбок. Под его плащом потрескивали искры.

Марисса поймала его взгляд, но не нашла в нем узнавания. Его глаза закатились так далеко назад, будто он искал ответы в своих мыслях; его рот, все еще окровавленный, бормотал и исходил пеной.

Она на мгновение поразмышляла, стоя над ним, но решение было очевидно.

— Мы продолжаем, — сказала она.

Мундас посмотрел на нее, его вспотевшее лицо побледнело.

— Мэм?

— У тебя проблемы со слухом? — сказала она резким тоном, холодным, как сами стены. Завязывая платок, администратор дальше спорить не стал. Они двинулись дальше, оставив павшего адепта за собой.

Его бормотание и щелчки преследовали их какое-то время, угасая в темноте. Искры летели им вслед, как будто он пытался звать их.

Никто не заметил, как Син отошла от группы, чтобы положить конец его страданиям.

Марисса не терпела неудач, и, в конце концов, такой исход всегда был неизбежен. Немногие будут достаточно сильны, чтобы противостоять книге, которую она искала.

Чего стоит поломка еще одной маленькой шестеренки во имя Его славы?

Ступени.

Они нашли их случайно, почти упав в провал лестницы. Все, что они видели: пасть тьмы, сверкающие каменные стены, исчезающие в абсолютной, всепоглощающей черноте. Свет костюма Гейл растворялся в этой тьме.

«Случайность?» — Голос был полон веселья. — *Воистину, дитя мое, твоя вера привела тебя сюда».*

Воздух был ледяным; дыхание вырывалось облаками пара, словно это их души покидали тела.

И откуда-то снизу доносился все тот же легкий смех. Он касался их кожи нежными пальцами, шевелил их волосы, как холодный ветерок из приоткрытого окна.

Он насмеялся над ними, как бы говоря:

«Подойдите ближе».

Администратор пристально смотрел на лестничный пролет, на ступеньки, покрытые старой наледью. Больше ничего не было — ни рельс, ни проводов, ни панелей.

Никаких цифровых обозначений.

Это место было древнее, иное.

— Оно там, внизу. — Платок Мундаса вернулся, хотя теперь он был не более чем тряпкой. — Я помню. Я чувствую слова, чувствую их в своей плоти, как зубы... — Его дрожь достигла пика. — Они зовут меня. Они рассказывают мне о другой силе, другом времени. Они зовут меня, как величайший голод, который я когда-либо знал. Они зовут меня, как запретные места, как книги, запертые на замки тысячелетий. Они хотят... Они хотят меня. Хотят захватить мою душу навсегда. Рвать ее, снова и снова, и снова, и снова, и снова, и снова...

— Конечно, — прервала его бормотание Марисса, ее ответ был мрачным и равнодушным. Она тоже могла чувствовать зияющую тягу лестничной клетки, как если бы она вела в какой-то вакуум, некий всасывающий горизонт событий, которому она не может сопротивляться и от которого не может сбежать.

Но Он был с ней.

Всегда.

«Ты справишься, — сказал голос. — Ты уничтожила культ Крови на Заин-Прайм; ты принесла экстерминатус неверным из Лаудена; ты стойко противостояла скверне демонического князя Яниа. Ты моя сила и моя воля, и ничто не может повергнуть тебя».

— Сержант.

Она щелкнула воксом, приказывая, но Гейл не двинулась с места. Как и Мундас, она пристально смотрела на голодную тьму внизу.

— Они все там, — мягко сказала она. — Разве вы их не слышите? Они идут, они идут тысячами, десятками и сотнями тысяч. Они щелкают, они клокочут, и их невозможно остановить. Я видела их, я видела весь свой взвод... У нас не было надежды. Они все умерли, крича. Расчлененные. Куски, летающие обрывки тел. Я была беспомощна. Я могла только смотреть.

Она была бледна как пепел, ее глаза потемнели от ужаса.

Марисса сдержала гнев. Из всех своих подчиненных она больше всего ценила сержанта — и нуждалась в ней. Гейл была тем фундаментом, на который инквизитор могла опереться.

Она не позволит ей дрогнуть.

— Он с тобой. — Её голос был наполнен уверенностью и самоконтролем. — Он стоит у тебя за спиной, у твоего плеча. Ты не убоишься ужасов ночи. Вы убьете их, сержант, как вы убили их однажды раньше. Во имя Его.

Убийца по-прежнему ничего не говорила. Ее спокойное, слегка циничное выражение лица никогда не колебалось, никогда не менялось.

Медленно, цепляясь за собственную веру, как за свет маяка, Марисса начала спускаться по ступеням.

Камень был скользким от льда и возраста, и смех сразу стал громче, кружась вокруг нее, как ночной кошмар. Он был наполнен словами, текстом, который обволакивал и опутывал, грозясь связать узлами соблазна и смятения. К четвертому шагу воздух стал густым и серым; свет почти погас. К шестому он полностью исчез — даже квадрат туннеля над ней исчез, как будто и не существовал. Темнота была абсолютной. Она отрицала веру, отрицала свет; она окутала ее, словно в огромную черную ткань. Марисса ничего не видела и ничего не слышала; ее вокс потрескивал пустотой. Она не знала, окружают ее остальные или находятся позади.

«Иди к нам...»

Был только дразнящий смех; только ощущение огромного возраста, колоссального терпения, искаженного давящей тяжестью тысячелетий, вещами, которые спрятались внутри, бормочут и сходят с ума, воодушевляемые своим собственным всепоглощающим безумием...

«Держись, — сказал голос. — Не бойся иллюзий тьмы. Я с тобой».

Она держалась за Его силу, за Его свет и присутствие, но все же касания тьмы проникали сквозь эту броню, это сопротивление. Они текли вокруг нее, как призраки, находя трещины, вжимаясь в ее кожу, игриво толкая ее туда-сюда. Форма камня казалась неправильной; беспорядочность туннелей наверху была ничем, всего лишь пародией, отражением, просто отголоском того, что было здесь погребено...

Лабиринт без конца. Невозможный лабиринт, из которого она никогда не сможет выйти...

«Соберись!» — Среди насмешек, спасательным кругом был Его голос, зов из ее детства. Это было все, чем она когда-либо была, всем, чем она будет, и даже больше.

Она ухватилась за него руками, как если бы это был материальный предмет, и держала его в воздухе.

Постепенно хватка смеха ослабла, и Марисса услышала звуки вокруг себя. Шаги, бормотание, тяжелое дыхание.

Звуки жизни.

— Я не боюсь тебя! — Инквизитор прокричала эти слова, эхо обрушилось на нее, как будто она поразила сам камень.

— Я Марисса Хорвейн, и я Его слово, Его длань, Его правосудие! Я заставлю тебя *отступить!*

Вот он: слабый проблеск света.

Он исходил откуда-то спереди, мерцая, как какая-то одинокая электрическая свеча, и двигался, танцую туда-сюда. Это привлекло ее внимание, как горн, зовущий на битву, собирая ее чувства в единую сфокусированную точку.

В вокс, не зная, слышат ли ее другие или нет, она сказала:

— Продолжайте движение. Следуйте за светом.

Вокс-канал зашипел на нее, наполнившись неизвестными голосами. Они превратились в сердитый хор, наполненный дисгармонией, становящейся громче. Она сама не осознавала, что упала, но теперь ей удалось встать, чтобы заставить тьму отступить.

Больше звуков — скольжение камня, движение коридоров и перекрестков, бесконечно перемещавшихся вокруг нее, как будто ничто здесь не было реальным и вещественным.

Она повторила: — Следуйте за светом.

Ее схватила рука. Она вздрогнула, взяла свое оружие, но это была могучая рука сержанта. Марисса взяла Гейл за запястье и подняла на ноги. Мгновение спустя в лицо инквизитору ударил свет из фонарей сержантского костюма.

Та не моргнула и не вздрогнула.

Гейл приглушила свет, и Марисса услышала облегчение в дыхании сержанта.

— Только ты? — сказала Марисса.

Глаза Гейл были широко распахнутыми и дикими, но она все еще сжимала в руке лазружье. Ни убийцы,

ни администратора не было видно.

— Ты видишь свет? — спросила Марисса.

Гейл кивнула, мышцы ее челюсти дернулись. Марисса заметила, что на голове сержанта была щетина. Разве она не была чисто выбрита, когда они начинали?

Снова смех. Это ее сомнения впускали его.

В гневе она отбросила их в сторону.

Она сделает то, за чем пришла. Книга будет принадлежать ей.

Они пошли вниз, и танцующий свет повел их, как если бы это было Его благословение, чтобы привести их к ответу.

Свет не был Его проводником.

Это была игра; все это было игрой.

Перед ними возникла открытая арка, изогнутая и деформированная от времени, ее дверь отвалилась, а ее стенки осыпались. За ней был зал, дышавший пылью тысячелетий.

И в этом зале были шкафы — каменные шкафы, ряды, ряды и ряды из них. Они растянулись на расстояние, недоступное глазу.

Смех ощущался физически касающимися, щупающими пальцами.

«Итак, ты нашла нас, — сказал он. — Но справишься ли ты? Сможешь ли осознать то, что обнаружила?»

Глядя на бесконечные параллельные линии, уходящие в кажущуюся бесконечность, Марисса не позволяла насмешкам задевать ее — не могла, не должна позволять им уязвлять. Она вздернула подбородок.

— Вы меня не пугаете, ужасы варпа. Он часть меня, часть моей души. Кто еще во всем Империиуме может сделать такое заявление? Я Его избранное дитя, и я уникальна в своем благословении!

Смех обернулся вокруг нее, будто пытаясь обернуть в ласку.

«Какое высокомерие!» — На мгновение это прозвучало так же, как голос в ее голове, как будто сама ее вера и призвание были обращены против нее.

«Твоя гордость так велика, и твоё падение будет таким чудовищным...»

«Нет!» — Она сопротивлялась, будто уперлась сапогами в камень. — **Я Его избранная! Я не верю твоему богохульству!»**

Рядом с ней все еще стояла Гейл, хотя глаза женщины были наполнены видениями. Марисса кивнула ей; сержант встретила взгляд инквизитора, кивнула в ответ и сосредоточила свое внимание на либрариуме.

— Мы ищем текст, — сказала Марисса. — Он называется «Книга перемен». Мы его найдем, Его рука направит нас. И тогда мы покинем это проклятое место.

Они двинулись вперед, но как только вошли в зал, пол исчез, хотя их ботинки не двигались. Потолок развернулся и рассеялся; линии и полки колебались и тряслись, как будто само пространство изменялось, как будто не было ничего твердого, по которому они могли бы идти.

Но Гейл стояла твердо.

— Мы должны закрыть глаза, — сказала Марисса. — Он откроет нам истинный путь.

Они так и сделали.

«Покажи мне, — сказала инквизитор своему внутреннему голосу. — Покажи мне путь!»

«Иди, — ответил он, — иди, я буду твоими глазами. Ты близка, так близка...»

Она шла, ставя один ботинок четко перед другим. Шаг, еще один. Сопrotивляясь желанию открыть глаза, чтобы увидеть запутанное, искаженное окружение, Марисса шла к центру безумия, через складку времени и пространства, реальности, которую ее разум не мог охватить или понять. Смех все еще был тут, но теперь голос стал глубоким и сильным.

«Пойдем, дитя мое, дочь моя...»

Ее пронзил чистый холодный шок:

«Что это был за голос? Был он внутри нее или снаружи? Что?..»

Мариссу охватил внезапный острый страх. Это вскрыло ее уверенность в себе, ее броню, и все больше и больше вопросов хлынуло сквозь дыру. Что привело ее сюда? Сделала ли она пять шагов? Пятьсот? Пять тысяч? Они только что вошли или шли годами?

Она не знала. Щетина на голове сержанта, ее голос, ее руководящий тон — что это все значит? Она...

Рука схватила ее за лодыжку.

Марисса открыла глаза и посмотрела вниз.

Либрариум окружал инквизитора со всех сторон, его черты закручивались до безумия. Книги перемещались снова и снова; они плавали с одной полки на другую или открывались и листали страницы, как будто читая самих себя. Искривленные лестницы висели на направляющих; тени металась с полки на полку.

И свет, танцующая электрическая свеча, за которой они следовали, теперь висела в воздухе перед ними, как насмешка, и показывала...

«Во имя Его!»

Марисса стояла на парящем куске пола, не связанным ни с чем вокруг. У ее ног, свернувшись, лежало тело Мундаса, его рот растянулся в победной усмешке на мертвенно-бледном лице.

В его руке была стальная шкатулка, осыпающаяся ржавчиной, обвитая висящими остатками древней цепи с мощным замком. Все было покрыто рунами, слишком старыми, чтобы их можно было разобрать, но они искажались, когда она смотрела на них, отчего к лицу прилиwała кровь, а череп раскалывался от боли...

Символы врага.

Это! — то, что она искала, текст, в поисках которого зашла так далеко. Оно было причиной разрушения этого мира и выпустило монстров по следу бойцов Милитарума. И это было то, что могло даровать ей силу и проницательность, чтобы нести Его имя к новым высотам, охотиться и останавливать Его врагов по всей Галактике...

Ассасина все еще не было видно, но теперь это не имело значения.

Сделав по воксу предупреждение сержанту, инквизитор Марисса Хорвейн наклонилась, чтобы забрать свой приз...

Но не смогла коснуться его.

Атака Мундаса была свирепой и быстрой. Его рот все еще был искажен гримасой смерти, а тело начало двигаться, опухать и изменяться. Из его плоти вырвались огромные когтистые конечности, прорывая одежду. Они вонзились и закрепились в искривленных стенах либрариума, а сам он раздался ввысь и вширь, распластавшись, как какой-то огромный тошнотворный паук. Сержант, открыв огонь из лазружья, прострелила ему череп, но его голова уже растягивалась, менялась, челюсти расширились, глаза множились, выскакивая из кожи, как новообразования.

Это было ужасно, но Марисса не дрогнула — Мундас не был важен. Хотя убийцы и нет рядом, Марисса сама справится с ее задачей.

Спокойно она подняла выжигатель и выпустила струю. Плоть Мундаса таяла, пузырилась и дымилась; новообразования сморщивались и отпадали. Существо зашипело на нее, опустив опаленную голову от боли, но не остановилось. Смех исходил от него, как и вонь от обожженной плоти.

«Такая жалкая. Такая ничтожная. Думаешь, сможешь меня убить?»

Слова эхом разносились внутри ее черепа, их отголоски гремели эхом. Кусок пола становился все меньше и сжимался под ее ногами, но она не обращала на это внимания — это было только для того, чтобы внушать ей страх. Бледная сержант все еще стреляла, высвобождая своих внутренних монстров ревом старых приказов, демонстрацией гнева и неповиновения. Ее оружие посылало алые полосы, прожигая темные дыры в плоти монстра.

Но из каждой раны появлялась новая конечность; с каждым ударом чудовище, казалось, росло. Оно сравнялось размером со стеллажами, став еще больше, раздуваясь и линяя. Монстр искоса посмотрел на них, смеясь искаженным человеческим ртом Мундаса.

— **Присоединяйся к нам,** — сказал он вслух. Книги падали с полок от силы его слов, кувыркаясь снова и снова, исчезая в бездонной тьме. — **Ты никогда не покинешь это место. Радуйся его мощи, его способности изменять реальность, как угодно. Ты уже близка к нам, инквизитор, не сделаешь ли ты последний шаг? Открой книгу! Открой книгу и позволь нам прикоснуться к тебе, как мы уже коснулись твоего слуги!**

Марисса наступила ботинком на ржавую шкатулку и почувствовала, как древняя цепь звякнула, словно в нетерпении. Она могла слышать, как артефакт зовет ее, чувствовать его силу, как будто проходящую через нее...

Но она была сильнее.

— Он со мной, — ответила она хриплым и резким голосом.

Но Его голос пропал, заглушенный презрением монстра.

Клочок страха свернулся в ее сердце. Разъяренная собственной слабостью, она направила выжигатель на все еще дрожащее лицо твари и стреляла в нее снова и снова. Она видела, как его плоть тает, как жир, его многочисленные глаза побелели от обжигающих струй пламени.

Но — мысленно или вслух? — голос говорил с ней, все еще дразня.

«Да, дитя мое, это то, чего ты хотела, не так ли? Ты идешь по натянутой струне, инквизитор, балансируешь между одной стороной и другой, понимаешь Врага и сама так близка к тому, чему бросаешь вызов. Почему бы тебе не... всего лишь...»

Слабость в ней кристаллизовалась, растекаясь, как лед, по ее плоти. В ее сердце росло сомнение. Рот твари шевелился от слов, но его кожа все еще таяла, и последнее слово звучало неясно — было ли оно «читать», «кровоточить», «присоединиться»?

Рядом с ней сержант истощила источник питания своего оружия и упала, дрожа, силы, данные ей всплеском эмоций, почти иссякли.

Но не до конца. С последним криком, раздавшимся из глубины ее души, действуя так, будто она пыталась спасти свой потерянный взвод, сержант вытащила боевой нож из-за пояса и бросилась к лицу твари.

Она не попала. Лезвие прошло насквозь, и существо замерцало, как гололит, который привел их сюда. Гейл потеряла равновесие, не смогла выпрямиться, споткнулась о край несуществующего пола и упала.

Вниз, вниз, вниз, как книги, вращающиеся в небытие.

Вокс затрещал и подавился. Если у сержанта и были последние слова, Марисса их не слышала.

В сердце инквизитора поднялся гнев, растопив лед, превратив его в поток чистой ярости.

«Нет! Я Марисса Хорсвэйн! И я Его избранница!»

Она выпустила третью струю из выжигателя, наблюдая взрыв кроваво-красного облака пара, возникшего при попадании. Существо завизжало от боли; она слышала, как оно двигается, его когти клацают и царапают пол. Книжки кувыркались, как подбитые летательные аппараты. Затем, наполовину расплавленное лицо, все еще с ужасающей посмертной ухмылкой Мундаса, вырвалось из дыма и злобно посмотрело на нее.

На его коже прорывались новые глаза. С его подбородка капала рыхлая расплавленная плоть.

«Не здесь, инквизитор. Он не может одарить тебя своим касанием здесь. Тут только я могу прикоснуться к твоим мыслям...»

Дочь моя».

— Богохульство!

Слово было воем из ярости и отрицания. Она снова подняла выжигатель, но монстр ударил ее когтем, выбив его из рук и откинув в пустоту.

Он рассмеялся, этот звук словно заражал разум, подобно паразитам.

«Поверь мне, — сказала тварь. — Открой свой разум, свое сердце».

Но у Мариссы было и другое оружие. Благословенное оружие. Оружие Его благодати.

Клинок Гнили, Бич Скверны.

Это было оружие, источающее токсины, которые постоянно вспенивались и капали на пол, словно уже пролившаяся кровь. Оно могло прорезать сталь, но сила меча была не в его остроте.

Нет, этот клинок нес рок неизбежности, мудрости смирения со своей судьбой. Он сталкивал поток невозможных изменений с чистым фактом смерти.

Она вытащила его и взглянула в бессчетные глаза твари, которые все еще прорезались в теле, как волдыри, следя за движением меча.

На мгновение они замерли.

И Марисса, как и Гейл, ударила клинком по лицу существа.

Оно рванулось, прикрывшись несколькими передними конечностями, завыв, когда те были перерублены. Монстр переместился, его ноги зацепились за книги; он потерял опору и чуть не упал. Лезвие снова рассекло его тело. Появились новые конечности, чтобы блокировать, чтобы попытаться оттолкнуть ее назад, но Марисса могла чувствовать Его теперь, с ней, снова ощущать Его славу.

«Да! — Голос в ее голове праздновал вместе с ней. — Ты сильна, дочь моя! Пусть тебя поглотит радость борьбы!»

И лезвие ударило.

Силой оружия, Его благословением, силой ее собственной веры, оно вошло в лицо существа. Волна гнили пробежала по искривленному обожженному лицу Мундаса. Мгновение спустя тление было повсюду, пожирая его плоть, его кости, его мышцы.

Он взвизгнул, шума хватило, чтобы сотрясти весь библиотеку, книги с полок упали, как серпантин, навсегда.

На секунду зверь цеплялся за нее, лицо Мундаса исказилось; она снова подняла лезвие...

Но все было кончено.

Существо, клерк, меч — все сгнило и исчезло.

Подобно гололиту, остался только статический и фантомный дым, только струйка пыли. Марисса стояла на каменном полу длинной комнаты, заставленной шкафами по обе стороны от нее. У ее ног лежал выжигатель и древний стальной ларец.

И в ее голове голос вопил во славу, гневно ликуя, звеня, как соборный набат. Это было оглушительно, но она знала, что это не звучало вслух.

«Дочь моя! Такая сила, такая стойкость! Поистине, ты моя избранница, мое последнее оружие. У тебя хватит сил, чтобы нести этот текст, чтобы использовать его для убийства моих врагов...»

«Всегда, — ответила она. — Я понесу твой свет. Я не подведу».

Рядом с коробкой лежала мертвая Гейл, не отрывая глаз от чего-то, чего Марисса не могла видеть. Мундаса не было видно.

А убийца...

Син стояла совершенно непринужденно, прислонилась к краю арки с таким же спокойным циничным выражением лица, как всегда.

Марисса приподняла бровь и пожала плечами.

— У меня не было причин входить в комнату, инквизитор. Это не было моим заданием. И, похоже, мне больше не нужно... следить за... вашей свитой.

Невольно Марисса мельком вновь взглянула на тело Гейл, почувствовав осколок в своем сердце, оставленный гибелью сержанта. И все же та погибла, столкнувшись с Врагом, в бою с честью, и ее беспокойный разум наконец нашел покой подле Трона.

Посмотрев на Син, Марисса кивнула.

— В самом деле, — сказала она. — Хотя, — и тут она улыбнулась, — я должна тебе сказать, что миссия еще не совсем завершена.

— Мэм? — Син выпрямилась, потеряв надменное высокомерие. — Есть еще какое-то задание, которое вы бы хотели, чтобы я выполнила?

Удивленная потерей невозмутимости, она ответила: — Конечно.

Впервые с момента начала миссии убийца выглядела встревоженной.

— Мне нужен кто-то, кто понесет для меня книгу, — сказала инквизитор, наклоняясь, чтобы поднять выжигатель.

— Подальше от врага в безопасность шаттла. И, теперь, когда моя свита потеряна, это последняя часть твоей миссии. Можно было бы назвать это непредвиденным обстоятельством. — Все еще улыбаясь, инквизитор направила оружие на ржавый ларец. — Не могла бы ты взять его? И на твоём месте я бы была с ним осторожна. Это долгая прогулка, и мне бы очень не хотелось, чтобы со шкатулкой что-нибудь случилось.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Книга_перемен_/_The_Book_of_Change_\(рассказ\)&oldid=25414](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Книга_перемен_/_The_Book_of_Change_(рассказ)&oldid=25414)

Эта страница в последний раз была отредактирована 14 июля 2024 в 18:44.